черкнуто легким изображением отдельных внешних сторон своих отношений с реальной, а очень вероятно, что и условной дамой сердца:

Ты мне делаешь приветства,
Пляшешь весело со мной,
И во всех забавах детства
Ты всегда товарищ мой,[23]

либо любовная тема для него является только отправным пунктом для создания своих «убегающих» стихов.

Я жизнию доволен,
Ходя твоей тропой.
Оставить приневолен, —
Ты следуешь за мной, — [24]

пишет Муравьев. Похожие по тону и стилю отрывки можно встретить у многих поэтов конца XVIII века, в частности у Карамзина:

Доволен я судьбою
И милою богат,
О, Лиза, кто с тобою
И бедности не рад; [25]

или у Николева:

Доволен я судьбою,
Мне счастье те часы,
Когда сижу с тобою
И зрю твои красы.[26]

Но если последние два отрывка полностью определяют все содержание соответствующих стихотворений Карамзина или Николева, то в «Стансе к Нине», цитированном выше, Муравьев разрабатывает темы, не имеющие видимой связи с героиней «Станса»: вариации описания все той же Невы или излюбленные Муравьевым обращения к «мечтанью»:

О милое мечтанье, родись в душе моей
И тайно обожанье создай себе ты в ней.

И, наконец, третья группа его «любовных» стихов, в большей мере, нежели первые, подходящая под это название, действительно имеет своим предметом сердечные взаимоотношения

[23] ГПБ, папка № 13.
[24] Там же; см. также: «Модное ежемесячное издание», 1779, ч. II, стр. 35.
[25] «Аониды», 1796, кн. 1, стр. 45.
[26] «Русская поэзия», под ред. С. А. Венгерова, вып. 5, СПб., 1895, стр. 802.